

МЕЛКІЯ ЗАМЕТКИ КЪ БЫЛИНАМЪ.

I.

Побывальщины объ Алешѣ и смежныя сказочныя схемы.

Разбирая въ моихъ «Южно-рускихъ былинахъ», вып. 2-й, стр. 581 и слѣд., русскія сказки на тему Цимбелина, я опустилъ одно интересное сравненіе, сближающее былинѹ г. Рыбникова II, № 51 съ однимъ разказомъ нѣмецко-еврейскаго Maase -buch (см. Grunbaum, Judechdeutsche Chrestomathie. 1882, стр. 421—424).

Дворянинъ Безсчастный молодець служить у Владиміра Кіевскаго, жалуется, что не выслужилъ пока «ни слова гладкаго, ни перины мягкія». Услыхаль это Владиміръ и «сталъ его жаловать: даетъ ему двѣнадцать соболей недѣданныхъ и даетъ краснаго золота петель нетянута, велѣлъ соболя подѣлатъ и двѣнадцать пуговиць вылить и двѣнадцать петель

вытянуть, сошить шубу соболиную къ Христосовской заутрени». А дѣло было въ страстную субботу. Молодцу ПОМОГАЕТЪ «женщина престарѣлая»: заведя его въ палату бѣлокаменну, она его угощаетъ, укладываетъ спать, а затѣмъ приноситъ ему шубу соболиную, тросточку камышевую и три золоченыхъ яйца: двумя христосуйся съ Владиміромъ и Опраксою, а третье сюда носи.

Далѣе о шубѣ и тросточкѣ нѣтъ рѣчи; ихъ значеніе выясняется изъ дублетовъ нашей сказки, Аѳан. № 178 и 179, гдѣ, вмѣсто Ѳедьки насмѣшника выступаетъ Алеша Поповичъ.

Похристосовавшись съ княземъ и княгинею, молодець возвращается назадъ по уговору, чтобы похристосоваться съ старухой. «Не со мною тебѣ христосоваться», говоритъ она и указываетъ ему на покой, гдѣ за двѣнадцатю дверями сидитъ красавица, какой въ свѣтѣ не видано и не слыхано. Онъ подаетъ ей яйцо золотое, она ему золотую ширинку; старуха предлагаетъ ему жениться на той дѣвицѣ: «посылай-ка князя

Владиміра свататься, княгиню Опраксу въ поѣздъ зови.»

Молодецъ женится на дѣвушкѣ; позднѣе, когда на пиру у Владиміра онъ хвалится своею женой, Ѳедька насмѣшникъ хвастаетъ своей связью съ нею. Владиміръ требуетъ доказательства: «Принеси подлинный знакъ: монисты золотыя съ крестами». Престарѣлая женщина (очевидно, другая, чѣмъ являющаяся въ началѣ сказки) указываетъ Ѳедькѣ домъ Дворянина Безсчастнаго молодца; сѣнная дѣвушка обещается помочь ему изъ бѣды, если онъ возметъ ее за себя — и приносить ему монисты; вернувшись на княженецкій дворъ, онъ бросаетъ ихъ на дубовый столъ, и Владиміръ разжалываетъ молодца, сажаетъ его за задній столъ. Когда пиръ отошелъ, и всѣ разъѣхались, пошелъ домой и молодецъ, пораздумывая о томъ, какъ ему раздѣлаться съ женой. Заманивъ ее на корабль, онъ продаетъ ее заѣзжему гостю, который позарился дорогой на ея красоту; но она сбросила его въ море. «Ай-же вы, людюшки рабочіе», говоритъ она, — «если

гдѣ будете разказывать, такъ я васъ всѣхъ въ море срюю! Идите въ королевство Португальское*. Здѣсь она расторговалась. А тамъ король преставился. И стали тамошнія люди избирать у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король». Свѣча затеплилась надъ женой Безсчастнаго молодца, которая вмѣстѣ съ другими пошла къ царскимъ вратамъ, одѣвшись въ мужское платье¹). Ставъ королемъ, она черезъ три года снаряжается въ Кіевъ и останавливается у престарѣлой женщины, посватавшей ее за Безсчастнаго молодца: она оказывается ея матерью, женой Португальскаго короля, удалившейся отъ непріятелей въ Кіевъ вмѣстѣ съ дочерью. Дочь она выдала за Дворянина Безсчастнаго молодца; жила она съ нимъ сначала хорошо, а затѣмъ пропала ни вѣсть куда. Такъ разказываетъ старуха дѣвушка-королю, и тотъ обѣщаетъ ей разспросить объ ея дочери у зятя. На

* Сл, такую же подробность въ сказки № X у *Эрленвейна*, Народныя сказки. М. 1853, и въ *Gering, Iälenzk Aevintyri*, II, прим. къ № XVII. стр. 53—56 и 394.

другой день онъ просить Владиміра велѣть истопить для него баню; за этимъ дѣломъ посланъ Безсчастный молодець. Признаніе происходитъ въ банѣ, а Оѣдку казнятъ за ложный навѣтъ.

Что появленіе Португальскаго королевства, вдовы Португальскаго короля въ нашей сказкѣ не случайное — показываетъ *Maase-buch*. Тутъ разказывается о сынѣ вице-короля, который, проѣзжая мимо дома одной вдовы, увидѣлъ ея дочь-красавицу, глядѣвшую изъ окна, и такъ страстно въ нее влюбился, что заболѣлъ. Матери онъ объявляетъ, что умретъ, если не женится на той дѣвушкѣ, и свадьба сыграна. Послѣ свадьбы отецъ царевича говоритъ ему: я уже старъ; поѣжай на островъ *Fortuna*, гдѣ пребываетъ нашъ король, и постарайся, чтобы послѣ, моей смерти мое званіе досталось тебѣ». Юноша прибылъ въ городъ по имени *Delkum*; здѣсь его слуга передаетъ ему разговоръ двухъ студентовъ подслушанный имъ на улицѣ: «Сюда пріѣхалъ сынъ вице-короля изъ

Португаліи, женившійся на дочери одной португальской вдовы. Она красавица, и они любятъ другъ друга; тѣмъ не менѣе, если я захочу, она будетъ моею». Царевичъ велитъ позвать похваставшагося студента и бьется съ нимъ о закладъ: коли онъ исполнитъ свою похвальбу, ему двѣ бочки золота, не то голову прочь. Тотъ согласенъ и обѣщаетъ принести три знаменія своего близкаго знакомства съ царевной. Прибывъ въ Португалію, онъ каждый вечеръ прохаживается мимо дворца, но проникнуть туда не можетъ. Прохожій кузнецъ, съ которымъ онъ вѣжливо поздоровался, спрашиваетъ его во второй вечеръ, почему онъ все стоитъ на одномъ мѣстѣ. Терять мнѣ нечего, думаетъ про себя студентъ, уже отчаявшійся въ успѣхѣ, и рассказываетъ о своемъ дѣлѣ: «У меня старуха мать, ей теперь сто восемь лѣтъ; она была прислужницей у старой вице-королевы; если она тебѣ не поможетъ, тогда помогай тебѣ Богъ!». Старуха взялась все устроить: напросилась ночевать во дворецъ, напоила царевну соннымъ зельемъ,

похитила два кубка — ея брачный подарокъ, золотую птицу, съ алмазомъ въ клювъ, наконецъ, усмотрела на правомъ боку родинку, обведенную красною ниткой. Всѣ эти знаменія она доставляетъ студенту, а тотъ королевичу, который принужденъ заплатить ему по условію и ѣдетъ домой съ цѣлью наказать неверную жену. Выѣхавъ съ нею далеко въ море, каждый въ своей ладѣ, онъ отбираетъ у ней весла и говорить, удаляясь: «Если ты жила по правдѣ, то надъ тобою и объявится правда!» Она молится о помощи, и ея ладья пристаесть къ берегу, къ замку, гдѣ ее принимаютъ дружелюбно. Купивъ здѣсь лошадь и мужское платье, она нанимается писцемъ къ вице-королю той области.

Однажды, когда она по его порученію написала письмо къ королю, пребывавшему на островъ Fortuna, тотъ прельстился ея почеркомъ, выпросилъ ее себѣ въ услуженіе и такъ доволенъ своимъ служителемъ, что, когда по прошествіи пяти лѣтъ умеръ вице-король Португаліи, онъ назначилъ мнимаго

писца на его мѣсто. Когда новый вице-король прибылъ къ своему назначенію, къ нему является вдова и разказываетъ о своемъ дѣлѣ: что сынъ его предшественника женился на ея дочери, а она вдругъ исчезла. Вице-король обѣщаетъ все разузнать: допрашиваетъ студента и старуху; они во всемъ сознались и казнены, а сыну прежняго вице-короля новый вице-король велитъ обождать: выйдя въ другой покой, онъ возвращается въ женскомъ платьѣ. Признаніе совершается, «и зажили они вмѣстѣ лучше чѣмъ прежде».

Сказка *Maase-buch* взята, вѣроятно, изъ какой-нибудь немецкой книги (*Grunbaum*, р. 421); побывальщина г. Рыбникова записана въ деревнѣ Кузнецовой, Бережно-Дубровскаго погоста, отъ калики Латышева, научившагося ей отъ калики Гѣргуши изъ Воезера.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что олонецкая побывальщина испытала на себѣ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ («Португалія») вліяніе какой-нибудь захожей сказки и притомъ, сравнительно,

недавнее. Въ какомъ отношеніи стоитъ эта побывальщина къ тождественному почти оренбургскому варианту у Аѳанасьева № 179, гдѣ этихъ подробностей нѣтъ? Предположить, что онѣ стерлись въ пересказѣ, значило бы признать зависимость оренбургскаго пересказа отъ олонцакаго; иначе пришлось бы допустить, что первый испыталъ позднѣйшее воздѣйствіе захожей сказки, хотя и ранѣе того содержалъ ея мотивы. Что эти мотивы, сюжетъ Цимбелина, извѣстенъ у насъ и внѣ своеобразнаго свода побывальщины, доказательствомъ тому — приведенная у меня (стр. 394) самарская сказка и соотвѣтствующая у Эрленвейна № XIV. Разбирая (см. стр. 395 и слѣд.) этотъ сводъ, я указалъ въ немъ двѣ взятыя части 1) во второй половинѣ — пѣсню о Данилѣ, похваставшегося женой, и Алешѣ пересмѣшникѣ, 2) въ первой — сказку о вѣщей женѣ, помогающей мужу исполнить трудныя задачи, на него возложенныя, но запрещающей ему хвалиться ею и исчезающей, когда запретъ нарушенъ.

Послѣднее опредѣленіе, основанное на одномъ (оренбургскомъ) вариантѣ у Аѳанасьева № 178, я желалъ бы теперь ограничить въ такомъ видѣ: вѣщая, мудрая жена помогаетъ мужу исполнить трудныя задачи на него возложенныя. Къ этому привело меня изученіе сходныхъ русскихъ сказокъ, не ограниченное, какъ прежде, лишь тѣми изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчались интересовавшія меня былинные имена.

Почему задаются задачи и для какой цѣли — не видно изъ олонецкаго и двухъ оренбургскихъ (Аѳан. №№ 178 и 179) пересказовъ побывальщины и лишь въ шенкурскомъ (Аѳан. IV, стр. 452—458) дѣлается это съ тѣмъ, чтобы не выдать за чужестранца-Данилу Настасью, княжескую племянницу: «Накинъ на ёво такую службу, чтобъ ввѣкъ не сделать», говорятъ Владиміру его гости. Я полагаю, что древнѣе этого мотива въ нашей схемѣ другой: задачи назначены были удалить и извести молодца, женой котораго прельстился князь. Въ олонецкой

побывальщинѣ есть какъ бы отзвукъ этихъ отношеній, на который я обратилъ вниманіе (1. с. 396): Владиміръ «вздогнулъ» на красоту Данилиной жены. Малорусская сказка о Данилѣ Безсчастномъ, приведенная мною изъ собранія Рудченка (1. с. 398—399) сохранила именно этотъ замыселъ.

Разборъ слѣдующихъ сказокъ подтвердить, надеюсь, это предположеніе.

I. Въ сказкѣ Аѳанасьева, № 122 abcd, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является царскій стрѣлок-охотникъ (ab), либо отставной солдатъ (с) или купеческій сынъ, которому не везетъ ни торговля, ни работа; «знать ужъ такой бездольный уродился». Нанялся онъ у царя на заводъ работать; до половины года не дожиль, а, почти весь заводъ сжегъ. Царю онъ говорить, что ему ни въ чемъ «счастья нѣтъ», и царь не сталъ его наказывать, «назвалъ его Бездольнымъ, велѣлъ приложить ему въ самый лобъ печать, ни подати, ни пошлины съ него не спрашивать и, куда бы онъ ни явился, накормить его, напоить, на ночлегъ

пустить, но больше однѣхъ сутокъ нигдѣ не держать» (d). Въ сказкѣ у Рудченка I, № 45, молодець названъ Иваномъ Безсчастливымъ.

Стрѣлокъ подстрѣлилъ горлицу-утицу (a), либо унесъ у купавшейся утицы золотыя крылушки, сорочку (b); она обращается въ красную дѣвицу, королевскую дочь (a), Марью-царевну (b). Въ вариантѣ с солдатъ зашелъ во дворець, куда прилетаютъ двѣнадцать лебедушекъ; у одной изъ нихъ онъ похищаетъ крылья, и слѣдуетъ то же превращеніе. Наконецъ, въ вариантѣ d какая-то старуха указываетъ Бездольному домъ у синя моря, куда приходятъ «тридцать три дѣвицы, родныя сестрицы»; у меньшей онъ похищаетъ ея платье и она остается въ его власти, другія улетали голубками. Въ сказкѣ у Рудченка, I, 45, Иванъ хочетъ подстрѣлить у морскаго берега одну изъ трехъ утокъ; двѣ улетѣли, третья взмолилась: «Не убивай меня, я тебѣ еще пригожусь; лучше потолкуемъ съ тобою: як я старша, то я буду над тобою матерью, а як ти старшій, то буду тоби

жінкою». У Чубинскаго (Малорусск. сказки, отд. I, № 74) «стрѣлецъ-красный молодець» прицѣливается въ трехъ орлицъ, трехъ сестрицъ: онѣ молятъ не стрѣлять и каждая предлагаетъ себя ему въ жены. Стрѣлецъ выбираетъ меньшую, которая и превращается въ панну. Сл. Худякова, Великорусскія сказки, III, № 85: царскій стрѣлокъ, уточка.

Вездѣ молодець беретъ за себя девушку. У Аѳан. № 122 а и с она посылаетъ мужа купить ей шелку разнаго, изъ котораго вышиваетъ три чудныхъ ковра (с); иначе въ а; взяла она шелкъ и сказываетъ: «Не тужи, молись Богу и ложись спать: утро вечера мудренѣе! Мужъ заснулъ, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу, и тотчасъ явились передъ нею два невѣдомыхъ молодца: Что угодно, приказывай». Въ одинъ часъ они сдѣлали ей «коверъ, да такой чудный, какого въ цѣломъ свѣтѣ не видывано». Этотъ коверъ или ковры жена посылаетъ мужа въ городъ продавать (а: своей цѣны не запрашивай, а что дадутъ, то и бери). Вѣсть о не

виданномъ рукодѣльѣ доходитъ до царя, онъ самъ желаетъ видѣть, кто его сработалъ, и не только влюбился въ красавицу, но и требуетъ отъ совѣтниковъ, чтобъ они указали ему, какъ извести ея мужа.

Въ в работы исчезли, за одну ночь «батюшкины каменьщики и плотнички, матушкины работнички» построили Марѣ царевнѣ палаты бѣлокаменные, изготовили платья подвѣнчныя, привезли золотую карету. На другое утро поѣхали къ вѣнцу, «и былъ у нихъ веселой и богатой пиръ». Когда на слѣдующій день проснулся мужъ, услыхалъ звонкой птичій крикъ, выглянулъ въ окошечко — на дворѣ птицъ видимо-невидимо, такъ стаяй и носятся. Посылаетъ его Марья царевна: «Ступай, милой другъ, бей царю челомъ!» Онъ идетъ, а стая птицъ за нимъ; онъ ими и бьетъ челомъ царю, которому объявляетъ о своемъ бракѣ. Царь велитъ жену къ себѣ на поклонъ привести; какъ увидѣлъ, влюбился и также злоумышляетъ противъ молодого.

Въ d также нѣтъ работъ; царскій воевода завидуетъ внезапному обогащенію Бѣздольнаго, его красавицѣ женѣ и вліянію у царя, и совѣтуется съ колдуньей, какъ бы сбыть его съ рукъ.

У Рудченка I, 45 работъ нѣтъ; жена Ивана идетъ въ лѣсъ, махнула накрестъ шолковымъ платочкомъ и говоритъ: «Рубись, дерево, возись, дерево, кладись, дерево!» Чудесный домъ готовъ, пока Иванъ спитъ. Его дядя завидуетъ ему, онъ и наставляетъ пана — извести племянника у Чубинскаго, 1. с., нѣтъ ни работъ, ни чудесныхъ построекъ, а прямо и безпричинно эпизодъ задачъ.

У Худякова III, № 85, работъ нѣтъ; дѣвушка обѣщаетъ стрѣльцу, что если онъ возьметъ ее за мужъ, у него будетъ много птицы, — «въ ту же минуту много прилетѣло птицы» (см. Аѳан. № 122 b). Царь влюбился въ дѣвушку и, по совету генераловъ, посылаетъ молодца такъ, чтобъ онъ никогда не вернулся.

Всюду молодцу задаютъ не исполнимыя задачи, которыя должны принести его къ

гибели, и которая онъ исполняетъ при помощи жены. Онъ долженъ достать въ тридесятомъ царствѣ, на островѣ, оленя-золотые рога, отправиться «не знаю куда, принести то не знаю что (Аѳан. № 122, а); косу-золотые рога, кобылицу золотогривую, «идти туда невѣдомо куда, принести то чортъ знаетъ что» (b); достать Саура-слугу; пойти на тотъ свѣтъ и узнать, какъ тамъ поживаетъ покойный отецъ царя (c); сходить въ городъ Ничто, принести невѣдомо что, достать кота-баюна (d); сходить на край свѣта, гдѣ солнце заходитъ, и «у пекло» къ старому пану (Рудч. I. 45); Чубинскій, I. с.: убить шестиглаваго, двѣнадцатиглаваго змѣевъ, пойти туда, не знаю куда, взять то, не знаю что; Худяковъ, 1. с.: невѣдомо куда—невѣдомо что; принести золотой дубъ съ серебряными листьями. — Вездѣ дѣло кончается благополучно для молодца: царь-панъ либо погибаетъ (Аѳан. I. с. ab; Рудч. I, 45), либо отказывается отъ своихъ помысловъ на чужую жену-красавицу (Аѳан. 1. с.)—и казнить

воеводу, покусившагося на нее и посылавшаго ея мужа на смерть (ibid.).

Согласно съ разобранными сказками (сл. еще сказку объ Игнатіи царевичѣ и о Суворѣ невидимкѣ-мужичкѣ, въ «Лѣкарствѣ отъ задумчивости и безсонницы», указанную у Аѳан. IV, прим. къ № 122) располагалась первоначально и та схема, которую мы открываемъ въ первой половинѣ побывальщинъ о Данилѣ Безсчастномъ.

1. Герой: Данила Безсчастный (Аѳан. № 178; Рыбн. II, № 51; Дворянинъ Безсчастный; Аѳан. № 179: безсчастный царевичъ Василій; Аѳан. IV, стр. 452—458: Горегорянинъ Данило-дворянинъ. Сл. въ нашемъ вариантѣ Аѳан. № 122 d Бездольнаго купеческаго сына; Ивана Безсчастнаго у Рудченка I, № 45.

2. Данила достаетъ вѣщую жену. У Рыбн. II, № 51; Аѳан. № 179, и IV, стр. 452—458 старуха приводитъ его къ красавицѣ (сл. старуху въ вариантѣ Аѳан. № 122, d), но у Аѳан. № 178 дѣло представляется согласно со всѣми

вариантами разобранной сейчасъ сказки, въ которыхъ дѣвица оборачивается изъ утицы, голубки, лебеди: къ берегу подплываетъ лебедь-красная дѣвица, говоритъ Данилѣ: Возмешь ли меня за себя? «Она крылушками махнула, головкой кивнула — вышли двѣнадцать молодцевъ, все плотники, пильщики, каменщики и принялись за работу: сейчасъ и домъ готовъ» (сл. Аѳан. № 122, в).

3. Данила хвастался женой (Аѳан. № 178, 179, Рыбн. II, 51). Находился ли передъ тѣмъ въ сказкѣ эпизодъ о чудесномъ рукодѣльи красавицы въ соотвѣтствіи съ Аѳан. № 122 а и с, сказать трудно; задачи, предлагаемыя Данилѣ, относятся главнымъ образомъ къ рукодѣлью, и можно-бы представить себѣ, что они попали не въ свое мѣсто и поняты, какъ задачи, лишь въ настоящемъ составѣ, по бывальщинѣ.

4. Позарившись на жену Данилы (Рыбн. II, 51), князь задавалъ ему трудную задачу: онъ долженъ въ невѣроятно короткій срокъ сшить ему диковинную

шубу; можетъ быть, къ числу задачъ принадлежали и тѣ диковинки, которыя встрѣчаетъ Владиміръ на пути къ Данилѣ; (Аѳан. № 178): мостъ устланъ сукнами багровыми, убитъ гвоздями полужеными; по одну сторону цвѣты цвѣтутъ, соловьи поютъ, по другую яблоки зрѣютъ; въ одной рѣкѣ пиво бѣжить, въ другой медъ, въ третьей вино, въ четвертой водка. Въ одной изъ сказокъ, которую мы разберемъ дальше такія диковинки отнесены именно къ числу задачъ (Аѳан. № 123). Только въ малор. сказкѣ о Данилѣ Безчастномъ (Рудченко № II, 34), которую мы разберемъ въ слѣдующей группѣ, порученія отличаются характеромъ не только неисполнимости, но и опасности, долженствующей устранить Данилу, въ жену котораго влюбился князь. Я полагаю, что таковыми они представлялись и въ оригиналѣ первой части побывальщинъ, подъ стать разобраннымъ сказкамъ. Этотъ оригиналъ я готовъ сблизить съ нашею былиной о Данилѣ Ловчакинѣ: на пиру у Владиміра онъ хвастается своею женой.

(Кир. III, № 2, стр. 32 слѣд.), а князь прислушивается къ совѣту навѣтчика (Путятинъ Путятovichъ, 1. с. № 1, стр. 29; Мишатычка Путятинъ, ib. № 2, стр. 33): послать Данилу туда, откуда бы ему не вернуться:

Наряди его въ службу дальнюю,
невзворотивную,
На Буянь островъ,
Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, сивопрянаго,
лихошерстнаго,
Вели вынуть изъ него сердце со печенью
(Кир. 1. с. 1, 29),

какъ въ разобранныхъ нами сказкахъ (Аѳан. № 122 а) молодца посылаютъ на островъ въ тридесятомъ царствѣ достать оленя золотые рога. Либо Данилу посылаютъ

во чисто поле,
Во тѣ ли луга Леванидовы.
Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
Велимъ пытать птичку бѣлогорлицу.,

Принести ее къ обѣду княженецкому.

Што ишо убить ему льва лютово,

Принести его къ обѣду княженецкому (1. с. № 2, стр. 34).

Данилъ дается порученіе по занятію: онъ Ловчанинъ, какъ въ вариантахъ нашей сказки (Аѳан. № 122 а; Чубинск.; Худяк.) молодець отвѣчающій ему — царскій стрѣлокъ, доставляющій дичь на царскую кухню; стрѣлецъ, красный молодець.

Былина эта, какъ и возстановленная нами побывальщина о Данилъ, мотивировала свое дальнѣйшее развитіе хвастовствомъ мужа женою, что вызывало любовь князя и моментъ опасныхъ порученій и не исполнимыхъ задачъ, назначенныхъ удалить соперника. Но тотъ же эпизодъ хвастовства могъ подлежать и другому развитію: на хвастливья рѣчи Данилы отвѣчалъ пересмѣшникъ Алеша, похваляясь связью съ его женой, и къ сказкѣ примыкалъ — сюжетъ Цимбелина. Это должно было изменить составъ ея первой части: трудная задачи оказывались

ненужными, теряли значеніе и свое мѣсто въ ходѣ дѣйствія. Такъ, въ нашихъ побывальщинахъ, гдѣ задачи, которыя даются Данилѣ, ничѣмъ не мотивированы.

Есть еще одна сказочная группа, связанная въ цѣломъ или частями, съ разобранною нами и также бросающая свѣтъ на побывальщины и сказки о Данилѣ. II. Въ сказкѣ Рудченка II, № 34, приведенной мною въ Южно-русскихъ былинахъ (вып. II, стр. 398—399) «безщасный Данило» служить, служить, и какія деньги не отложить и не спрячетъ, глядь, а ихъ ужъ нѣтъ. И вотъ онъ соглашается служить одному бѣдняку изъ-за камня, лежавшаго у него передъ порогомъ. Въ камнѣ оказались деньги; Данило купилъ на нихъ ладону, вышелъ на могилу и воскурилъ его. Въ награду за это ангель, посланный Богомъ, обѣщаетъ исполнить одно изъ его желаній; чего онъ хочетъ — здоровья, богатства или умной жены? По совѣту одного пахаря онъ избираетъ послѣднее и самъ засыпаетъ на могилѣ. «Приходитъ з неба святого Петра

дочка йому за жінку. Прийшла вона и будить його: Уставай, Данило, ходім, де твой батьківскій грунтъ, да підем да повінчаємось! Він каже: Нема въ мене грунту батьківського». Пошли они; оказалась у него отцовская земля и хата, а въ ней деньги, которыя онъ бывало пряталъ и не находилъ. Панъ позарился на Данилову жену и задаетъ ему трудныя задни, желая отъ него отдѣлаться: сварить пиво, сдѣлать изъ дерева живыя гусли; наконецъ, сходить на тотъ свѣтъ къ отцу пана и спросить, куда передъ смертю онъ спряталъ деньги. Все это Данила исполняетъ при помощи жены, и панъ награждаетъ его.

Малорусскій варіантъ у Драгоманова (Малорусскія народныя преданія и рассказы, стр. 295 слѣд.) относится сюда только по началу, да по имени Данилы «Був собі нещасний Данило. Де вже віи ни ходив, де не служив — все шо не заробе, пак як за водою і пиде; нечого в ёго нема». Послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ устроиться онъ приходитъ къ царю,

который помѣстилъ его въ дворню и говорить: «Роби, кае, шо буде, подивлюсь, який ти нещасний». И здѣсь не везеть Данилѣ; взялъ царь, насыпалъ три бочки, одну золотомъ, другую углемъ, третью пескомъ и говорить Данилѣ: коли выберешь золото, быть тебѣ царемъ, коли уголь — ковалемъ, а если песокъ, то ты взаправду несчастный: бери себѣ коня и сбрую и уходи изъ моего царства. Данила выбралъ бочку съ пескомъ¹⁾). Снарядилъ его царь и пошелъ онъ на всѣ четыре стороны. По дорогѣ, подѣхавъ къ стогу сѣна, слышитъ изъ него крикъ: «ратуй мене, бо згорю!» — и вытянулъ оттуда змѣю, которая обертывается дѣвушкой и далѣе является

¹⁾ Сл. Decameron X, 1: Испанскій король Альфонсъ дарить и награждаетъ не по заслугамъ. Такъ рыцаря Руджъери, совершившаго для него славные подвиги, онъ отпускаетъ отъ себя подаривъ ему всего одного мула. Сдѣлалъ онъ это не потому, чтобъ не признавалъ достоинствъ Руджъери, а такова ужъ доля рыцаря. Король беретъ доказать это на опытѣ: Руджъери долженъ сдѣлать выборъ изъ двухъ ящиковъ: въ одномъ изъ нихъ царскій вѣнецъ, скипетръ, держава и другія драгоцѣнности; другой наполненъ землею. Руджъери выбираетъ послѣдній. Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 66—67.

помощницей молодца — въ приключеніяхъ, выводящихъ насъ съ почвы нашей сказки.

Ближе къ южно-русскому варианту Рудченка №№ 123 и 124 а Аѳанасьева, не нужнымъ образомъ раздѣленные. Интересенъ въ нихъ начальный эпизодъ, извѣстный какъ особая сказка, типомъ которой является разказъ о кошкѣ Richard'a Whittington'a²⁾: третій братъ-дурень (№ 123) или мальчикъ-сиротинка (№ 124 а) покупаетъ за деньги, какія у него были, котенка, котораго выпросилъ у него корабельщикъ; пріѣхавъ въ страну, гдѣ отъ крысъ и мышей житья не было, а кошекъ не знали, корабельщикъ продаетъ котенка за дорогую цѣну, которую, вернувшись, и отдаетъ мальчику сполна или изъ половины. Какимъ образомъ присталь этотъ эпизодъ къ слѣдующей далѣ сказкѣ — не знаю; варианты къ № 123 обходятся безъ этого введенія. Далѣ разказъ развивается по типу Рудченкова: разбогатѣвъ, мальчикъ одѣляетъ нищую

²⁾ Сл. *Grimm*, Kinder-und Hausmarchen № 70; *Wolf*, Deutsche Marchen № 14, *Gonzenbach*, Sicilianische Marchen № 76 и др.

братію (№ 123), на часть денегъ купилъ ладону; воскурилось благоуханіе и вошло къ Богу (№№ 123, 124). Является ангель (№ 123) или старичекъ (№ 124), спрашиваетъ молодца — чего онъ желаетъ, и когда тотъ не знаетъ какъ ответить, отсылаетъ его къ тремъ мужикамъ или братьямъ, пашущимъ въ полѣ. По № 123 дуракъ подходитъ поочередно къ каждому съ вопросомъ: научи меня, чего-бы попросить отъ Бога? И когда двое не дали отвѣта — убиваетъ ихъ дубинкой¹); третій, старикъ, говоритъ, чтобъ онъ пожелалъ жену мудрую — о чемъ дуракъ и сообщаетъ ангелу. Тотъ велитъ ему пойти къ рѣкѣ, сѣсть на мосту, схватить плотичку съ золотымъ кольцомъ и перекинуть ее черезъ себя. Онъ такъ и дѣлаетъ: рыбка обратилась красною дѣвицей. Въ вариантѣ 3-мъ этой сказки старикъ, по приказанію ангела, идетъ къ озеру и хватаетъ одну изъ прилетѣвшихъ туда трехъ «райскихъ» уточекъ (утка обращается въ дѣвушку). —

¹) Мотивы изъ сказки о разбойникѣ? Сл. Разысканія X, стр. 379—380.

Въ № 124 сиротинка обращается съ извѣстнымъ вамъ вопросомъ къ двумъ братьямъ-пахарямъ; они отсылаютъ его къ третьему, трехлѣтнему ребенку, сидѣвшему на телегѣ. Ужели это старшій братъ! думаетъ сиротинка и слышитъ отъ него совѣтъ: возьми добрую жену. Эти слова онъ передаетъ пославшему его старику. Ну и ладно! сказалъ онъ и съ глазъ исчезъ, а возлѣ сиротинки объявилась красавица — его жена. Пошли они въ деревню, нанялись въ услуженіе къ одному барину, который, влюбившись въ красавицу, затѣваетъ извести ея мужа — и задаетъ ему тѣ же задачи, какъ и въ № 123, который я и досказываю. Рыбка обернулась красною дѣвицей, взялась съ дуракомъ за руки и пошла. Ночью въ чистомъ полѣ по ея зову явились двѣнадцать работниковъ и къ утру построили богатый дворецъ подъ золотою крышей. Подивился на него царь; видно ты колдунъ какой! говоритъ онъ дурачку — и этимъ мотивируются его задачи; по другимъ спискамъ сказки онъ влюбился въ его жену. Задачи такія: сдѣлать въ одну ночь

мостъ отъ его палатъ къ царскимъ, чтобы одна половина была серебрянная, другая золотая; когда это было исполнено, новое требованіе: чтобъ по обѣ стороны моста росли яблоки, на тѣхъ яблоняхъ висѣли бы спѣлыя яблочки, пѣли бы птицы райскія да мурлыкали котики заморскіе: задача сходная съ одною подробностью побывальщины о Данилѣ у Аѳан. № 178, гдѣ она понята иначе. Подъ конецъ, царь приказываетъ дураку: сходить на тотъ свѣтъ къ его отцу-покойнику, спросить, гдѣ спрятаны его деньги, и достать гусли-самогуды. Сказка кончается смертью царя.

Въ польской сказкѣ у Глинскаго (Wajarz polski, IV, стр. 31 слѣд.) герой—младшій изъ трехъ братьевъ, обиженный старшими, милосердый къ бѣднымъ, которыхъ перевозитъ даромъ на своемъ паромѣ. Какой-то старикъ даритъ ему уду-самоловку, на которую попадаетъ полуженщина, полурыба, обращающаяся въ красивую дѣвушку; тотчасъ же готово на ней и подвѣчное платье, явилась и церковь съ священникомъ; на свадьбѣ

невѣстѣ стоило потрянуть кошелемъ и произнести вѣщее слово — и въ одинъ мигъ золото посыпалось градомъ и гости могли набрать его вдоволь. Въ красавицу влюбляется король и задаетъ мужу задачи: поѣхать на край свѣта и дознаться по причинѣ недавняго затмѣнія солнца; привезти ему чудо-дѣвицу и гусли-самогуды. Когда въ концѣ сказки является покойный король, братъ дѣйствующаго въ сказкѣ, тайнымъ образомъ имъ убитый — я не прочь усмотреть въ этомъ эпизодѣ пересказъ встрѣтившагося въ нашемъ и предыдущемъ циклѣ—хожденія на тотъ свѣтъ за спросомъ къ царю или пану-покойнику¹).

Содержаніе сказокъ 2-й, разобранной нами группы, въ общихъ чертахъ тождественно съ сказкой о Данилѣ Безсчастномъ у Рудченка; имя Данилы въ сводномъ вариантѣ у Драгоманова показываетъ, что въ этой сказочной схемѣ это имя привязалось относительно прочно. Но эта

¹) Объ этомъ мотивѣ сл. *Аван.* Народн. русск. легенды № 29; *Schleicher, III. march*, стр. 71—75.

схема (вѣщая дѣвушка, назойливый любовникъ и налагаемая имъ задачи), въ сущности представляетъ лишь различіе въ группѣ 1-й, которую выше мы привлекли къ объясненію побывальщинъ о Данилѣ: лишняго въ ней лишь эпизодъ о рукодѣльи, котораго мы не находимъ и въ побывальщинахъ. Я полагаю, что его не было и въ ихъ оригиналѣ и что въ 1-ю группу сказокъ онъ попалъ по смѣшенію съ другимъ цикломъ: о мудрой дѣвушкѣ, не вѣщей и не оборотнѣ, которая выходитъ замужъ за бедняка, не ровню себѣ, не смотря на сопротивленіе родни, и помогаетъ ему разбогатѣть своимъ рукодѣльемъ и сметкой. Схема эта, по сходству очертаній, тѣмъ легче смѣшивалась съ группой первой, что между ними становилась еще посредствующая схема, въ которой встрѣчались общія имъ черты: о молодцѣ, домогающемся руки дѣвушки, родственники которой желаютъ избавиться отъ него трудными задачами, которыя обыкновенно исполняются имъ при помощи его матери либо жены. Смѣшеніе

могло быть обоюдное: имъ я объясняю себѣ въ сказкахъ, разбираемыхъ далѣе, имена Настасьи и Елены, которыя встрѣчаются и въ побывальщинахъ, и принадлежали, можетъ быть, ихъ подлиннику, какъ съ другой стороны въ сюжетѣ о дѣвушкѣ, преследуемой роднею за неровный бракъ, легко было вмѣшаться мотиву о преслѣдованіи — изъ-за любви. Обратное вліяніе мы отметили въ одной изъ побывальщнъ о Данилѣ Аѳан. IV, 452—458, гдѣ, какъ мы видѣли, именно неровный бракъ становится мотивомъ гоненія.

III. Я имѣю въ виду два варианта сказки: купленная жена, Аѳан. № 127 а в. Тамъ и здѣсь дѣйствующее лицо — Иванъ, промотавшійся купеческій сынъ, напрашивающійся на корабль къ дядѣ, который ѣхалъ торговать за море. Дядя даетъ ему сто рублей, чтобы онъ и самъ купилъ себѣ товару. Идетъ онъ по городу, а тутъ явился и старикъ-продавецъ, обѣщаетъ наделить его такимъ товаромъ, какого онъ еще не видывалъ — и показываетъ ему въ саду за золотой решеткой дѣвушку-

красавицу. Парень отказывается, а старикъ не отдаетъ денегъ назадъ. На другой и третій день повторяются тѣ же встрѣчи съ старикомъ, котораго Иванъ съ начала не признаетъ, и то же предложеніе: купить дѣвушку. «Знать судьба моя такова», говоритъ парень и беретъ ее съ собою. Она оказывается королевной, Настасьей (а) или Еленой Прекрасной (b), которую выкралъ у отца у матери продавшій ее старикъ. Между тѣмъ деньги, данныя дядей на товаръ, истрачены, Иванъ не знаетъ что делать, но дѣвушка обѣщаетъ все поправить: посылаетъ Ивана за шелкомъ и вышиваетъ коверъ (а; въ b три ковра одинъ за другимъ), который онъ долженъ продать. Работа сдѣлана за одну ночь (а), въ вариантѣ b при такихъ обстоятельствахъ: ночью встала Елена прекрасная съ постели, вышла на дворъ и махнула платочкомъ — тотчасъ прилетѣли къ ней одиннадцать голубокъ, ударились о сырую землю и обратились дѣвицами — и въ одну ночь вышили два полотенца, золотое и серебряное да палатку узорчатую.

Подробность, относящая насъ къ вѣщей царевнѣ-утицѣ, лебедю, голубкѣ 1-й группы разсмотрѣнныхъ выше сказокъ. Царевна посылаетъ Ивана продать коверъ или ковры и говорить ему: «У того, кто станетъ покупать, ты денегъ не бери, а проси, чтобъ напоилъ тебѣ допьяна». Такъ и сдѣлалъ Иванъ и свалился въ лужу; надъ нимъ смѣются: «Хорошъ молодецъ! хотъ сейчасъ подъ вѣнецъ веди!» «Хорошъ не хорошъ, а все жъ Настасья прекрасная меня въ маковку поцѣлуешь». «Не хвастайся», говоритъ Ивану какой-то богатый купецъ — и предлагаетъ ему побиться о закладъ на все его имѣніе. Только что порушили, а Настасья идетъ, подняла мужа, поцѣловала въ маковку, обтерла и домой повела. Выигралъ Иванъ все состояніе купца, первый богачъ сдѣлался (а). Варіантъ б даетъ тотъ же эпизодъ съ отличіями: царевна велитъ продать не торгуясь, за что дадутъ; Иванъ напивается, устроивъ поминки по отцу; проходитъ купецъ съ женой-красавицей, смѣется надъ пьянымъ молодцомъ, котораго вытащили изъ грязи:

«Вотъ каково безъ молодой жены на свѣтѣ жить». «Врешь ты!» отозвался Иванъ,—«у меня жена лучше твоей; хочешь, объ закладъ побьемся?» Результатъ тотъ-же, что и въ а.

Дядя Ивана собрался между тѣмъ домой; по совѣту жены онъ велитъ задѣлать въ кирпичи самосвѣтные камни (а), либо везетъ ихъ въ бочкахъ, обмазанныхъ дегтемъ (б). Дядя смѣется надъ нимъ: «Вишь какого добра накупилъ!» Вернувшись домой, они идутъ къ царю съ подарками, Иванъ захватилъ съ собою пару кирпичей или миску дегтю, и его подарки, вызвавшіе было общій смѣхъ, оказались наиболѣе драгоценными: бриллианты и самосвѣтные камни.

Иванъ въ чести, хочетъ теперь жениться на дѣвушкѣ и задумалъ послать къ отцу ея, королю, просить родительскаго благословенія. Тотъ возмутился при мысли, что его дочь выйдетъ за простаго торговца и велитъ ее выкрасть, когда мужа не было дома. Иванъ идетъ отыскивать ее, какой-то чудный старикъ помогаетъ ему; уже

невѣста его просватана за другаго, но скрипка-самогудка, врученная ему его спутникомъ, наводитъ сонъ на всѣхъ свадебныхъ гостей, а Иванъ спѣшитъ въ церковь и повѣнчался съ царевной. Когда проснулся король, видитъ, что дѣла не воротить, и приказалъ свадьбу справлять (а).

Иное, очевидно испорченное окончаніе представляетъ вариантъ в: царь, которому Иванъ привезъ подарки, увидѣлъ на вечеринахъ его невѣсту, прельстился ею, а мужа хочетъ сбыть: посылаетъ его къ какому-то королю, чтобы тотъ отпустилъ его корабли. Невеста Ивана узнаетъ о томъ, говорить, что тотъ король ея отецъ и даетъ жениху именной перстень: «Коли понадобится, чтобы я пріѣхала, напиши письмо и тѣмъ перстнемъ запечатай». Узнавъ, что Иванъ сосваталъ его дочь, король подпаиваетъ его, похищаетъ перстень и вызываетъ дочь къ себѣ, а Ивана отсылаетъ назадъ: «Поѣзжай, любезный зять, скажи царю, что его корабли вскорѣ будутъ отпущены». Когда

Иванъ вернулся домой, его невѣста уже успѣла уѣхать къ отцу, и ему приходится ѣхать ее отыскивать. — Сказка кончается бракомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ последнюю часть варианта *в* вторгся посторонній эпизодъ, запутавшій его изложеніе: любовь царя къ женѣ молодца, котораго онъ стремится удалить; эпизодъ, перенесенный сюда по сходству, изъ разсмотрѣнныхъ выше I-й и II-й сказочныхъ группъ;. какъ первую группу напоминаетъ подробность варианта *в* о дѣвушкахъ-голубкахъ. Существеннымъ въ разбираемой сказкѣ представляется мнѣ образъ царевны рукодѣльницы и эпизодъ о коврахъ, который, наоборотъ, кажется перенесеннымъ отсюда въ сказки первой группы. Въ самомъ дѣлѣ: исключивъ его изъ нихъ, мы получимъ полное соотвѣтствіе I-й со II-ю и съ побывальщиной о Данилѣ, за вычетомъ одного лишь мотива, похвальбы женою.

Мотивъ этотъ встретился намъ въ несколько иномъ видѣ въ только что разобранныхъ сказкахъ III-й группы;

вопросъ въ томъ: какъ онъ въ нихъ поставленъ? Сказка построена односторонне, дѣйствуетъ дѣвушка: она вышиваетъ ковры, указываетъ, какъ продать ихъ, какъ принести царю дорогой подарокъ; молодець не выступаетъ дѣятельно — за выключеніемъ одного эпизода о хвастовствѣ, гдѣ въ б онъ дѣйствуетъ самостоятельно, тогда какъ я хотѣлъ и здѣсь сохранить починъ за дѣвушкой путемъ очевидной натяжки: она велитъ Ивану отдать коверъ тому, кто напоить его до-пьяна — очевидно, въ виду следующей похвальбы! Я полагаю, что этотъ эпизодъ попалъ сюда. изъ какой-нибудь сказки группы I-й и II-й; примеры взаимодействія этихъ группъ съ нашею III-ю приведены выше.

Косвенное тому подтвержденіе я нахожу въ сказкахъ IV-й группы у Аѳанасьева № 192 abc, тождественныхъ съ предыдущими до эпизода о коврахъ включительно и далѣе развивающихся своеобразно.

IV. Жиль-быль Иванъ Несчастный: ничто ему не удавалось. «Али я не такъ уродился

какъ другіе люди? Пойду-ка я къ царю да спрошу: отчего мнѣ счастья нѣтъ». Царь созвалъ боярь; не додумались они до отвѣта; а царица говоритъ: «А я такъ думаю, батюшка: коли его женить, то можетъ и ему Господь пошлетъ иную долю». Разгнѣвался царь: «Коли ты лучше насъ раздсудила, такъ ступай за него замужъ». Обвѣнчали ее съ Иваномъ и выгнали изъ города (с). — Въ другихъ вариантахъ Иванъ Безсчастный (а) или Несчастный (b) — промотавшійся купеческій сынъ, не находящій себѣ работы, за котораго идетъ купеческая дочь — и старики отдають ее за него: можетъ быть, онъ женинымъ счастьемъ счастливъ будетъ (а). Повѣнчались они; жена посылаетъ мужа за бумагой-шелкомъ, вышила два (ас) или три (b) ковра; и велитъ Ивану продать ихъ: отдай коверъ за сто (500) рублей, а встретится хорошій чоловѣкъ — за доброе слово уступи (а; въ вс нѣтъ этого наставленія жены). Старикъ покупаетъ ихъ у Ивана и предлагаетъ: что хочешь — деньги или доброе слово? Иванъ

предпочитаетъ послѣднее и получаетъ такіе совѣты: прежде смерти ничего не бойся: пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи (а); либо: при радости не радуйся, при страсти не страшись, подними да не опусти (b); подними руку да не опусти, а сердце скрѣпи (b). Эти мудрыя изрѣченія даютъ планъ слѣдующему дѣйствию сказки: Иванъ пристаётъ съ однимъ кораблемъ къ дядюшкѣ, ѣхавшему торговать за море (а), либо Иванъ нанимается прикащикомъ къ корабельщикамъ (b). Изъ моря выходитъ морской горбыль и проситъ купцовъ дать ему человѣка — дѣло разобрать (а); или корабли не идутъ съ мѣста и въ море посылаютъ водолаза (b). Въ томъ и другомъ случаѣ отправляется Иванъ», помня слова старика: «прежде смерти ничего не убойся»; въ морѣ. Судьбина дѣло разбираетъ: что дороже—золото, серебро или мѣдь? (а); или споритъ старикъ съ дѣвушкой: что дороже, сталь или олово? (b) Иванъ рѣшаетъ за мѣдь и сталь, и его отпускаютъ назадъ: его корабль оказывается набитымъ каменьямъ

самоцвѣтнымъ (а), или старикъ даетъ ему три брилліантовыхъ камушка (b). Спорить Иванъ съ дядей, купцами, у кого товаръ лучше; побились о закладъ: у кого лучше, тому отдать всѣ корабли; въ а споръ перенесенъ передъ царя. Победа остается за брилліантовыми камушками Ивана (b); вынулъ онъ изъ кармана камушекъ — такъ все и освѣтило (а), Въ с весь этотъ эпизодъ о хожденіи Ивана за море съ купцами замѣненъ другимъ: услышавъ совѣтъ старика, Иванъ идетъ съ пустыми руками, куда глаза глядятъ, приходитъ въ страну, гдѣ двѣнадцатиглавый змѣй людей пожираетъ. «Сумѣлъ бы я съ нимъ справиться», говоритъ онъ про себя, — «а пользы что? безъ денегъ и разума нѣтъ». Слышитъ эти рѣчи купецъ и даетъ ему денегъ; Иванъ убиваетъ змѣя, въ каждой головѣ его находитъ по драгоцѣнному камешку, и страшно разбогатѣлъ.

Весь этотъ эпизодъ едва ли отвѣчаетъ «спуску въ море» предыдущихъ вариантовъ и одному изъ совѣтовъ старика: ничего не бояться раньше смерти. Очень можетъ

быть, что с сохранилъ въ этомъ эпизодѣ какую-нибудь подробность группы III-й, до ея спая съ моментомъ «совѣтовъ». Въ самарской сказкѣ (Садовниковъ, № 6) какой-то парень-бѣднякъ ходитъ по базару и говорить: «У меня ума много, только денегъ нѣтъ». Старикъ купецъ беретъ его себѣ въ зятя и даетъ ему денегъ, чтобы расторговаться. Въ томъ, что далѣе дѣлаетъ парень, его жена не участвуетъ, — потому ли, что роль мудрой дѣвушки случайно сократилась? Деньги парень употребляетъ на то, чтобы нарубить дровъ и нажечь золы, которою, и нагружаетъ корабль, и ѣдетъ въ чужія земли съ купцами, нагрузившими барки хлѣбомъ. Въ той землѣ выходилъ изъ моря трехглавый змѣй; царь спрашиваетъ пріѣзжихъ: не возьметъ ли кто побѣдить его. Парень разузналъ, по какой дорогѣ змѣй ходитъ въ городъ, усыпалъ ее золой и велѣлъ полить водою; змѣй какъ прошелъ сто сотенъ, задохнулся, началъ дрыгаться и вырыгнулъ изъ себя драгоценный камень. Купцовъ зять отсѣкъ ему одну голову. Три раза происходитъ эта

борьба, и всякій разъ повторяется то же. Побѣдитель отказывается отъ царской награды и лишь проситъ дать ему работниковъ — нагрузить его судно кирпичами. На пути стало его судно тонуть, онъ и проситъ товарищей облегчить его, взять по сотнѣ кирпичей, а они для смѣха побросали ихъ въ воду. Явившись домой, онъ идетъ къ губернатору, показываетъ ему три кирпича, въ которые вдѣланы были драгоценные камни и говоритъ объ убыткѣ, который нанесли ему товарищи, выбросивъ въ море такія сокровища. По приказанію губернатора ихъ имѣніе отобрано купцову зятю.

Подробность о драгоценныхъ камняхъ отвѣчаетъ такой же въ группѣ IV а, б (три бриллиантовые камушка, камни самосвѣтные), гдѣ купцы также принуждены поступиться своимъ имѣніемъ въ пользу Ивана Безсчастнаго. Что касается уловки съ кирпичами, то мы встрѣтили ее въ нашей группѣ III, Аѳан. № 127 а, гдѣ она мало мотивирована, и въ греческой у Nahn'a I № 38, почти

тожественной съ самарскою: какой-то человекъ то и дѣло говорить: «Много у меня каши (ума) въ головѣ, да нѣту денегъ въ кошелькѣ». Еврей даетъ ему денегъ, чтобъ онъ могъ проявить свою сметку. Нагрузивъ корабль циновками, парень отправляется въ Египетъ и сжигаетъ ихъ на морскомъ берегу. Изъ моря выходятъ *cilialoga*, пожираютъ золу и изрыгаютъ драгоценные камни, которые тотъ человекъ собираетъ. Онъ велѣлъ надѣлать кирпичей и въ одну часть вложить драгоценные камни; эти кирпичи онъ сложилъ на дно судна, а пустые кирпичи сверху. На пути буря, спутники хозяина настаиваютъ на необходимости облегчить корабль и верхніе кирпичи сброшены. Вернувшись, парень предъявляетъ судья тѣ кирпичи, въ которыхъ находились драгоценные камни, и его товарищи принуждены поплатиться своимъ имѣніемъ и свободой за утрату остальныхъ.

Возвращаюсь къ сказкамъ IV-й группы.

Вездѣ молодецъ, вернувшись домой, застаётъ жену на постели съ однимъ (b)

или двумя (ас) молодцами, которыхъ принимаетъ за любовниковъ. Онъ готовится поразить ихъ мечемъ, но припоминаетъ другой совѣтъ: «Подними руку да не опусти, а сердце скрѣпи». Молодцы оказываются его сыновьями, рожденными въ его отсутствіи.

Сказки, разобранныя въ группахъ IV-й и III-й, отправились отъ одного типа: мудрая дѣвушка, царица, выходитъ замужъ за хвороднаго, бездольнаго молодца, помогаетъ ему выйдти изъ бѣды на первыхъ порахъ своимъ чудеснымъ рукодѣліемъ, наставляя, какъ его продать. На этомъ эпизодѣ группа IV-я отклонилась въ сторону и вторую половину сказки разработала по схемѣ умныхъ совѣтовъ, которые герой предпочитаетъ деньгамъ и которые приносятъ ему счастье. Въ этой второй половинѣ роль мудрой дѣвушки по необходимости должна была сократиться, и это одно указываетъ, что въ группѣ IV-й мы имѣемъ дѣло съ сводомъ: мотивъ изъ сказки о мудрой дѣвѣ спаенъ съ мотивомъ совѣтовъ. Послѣдній встрѣчается особо въ

одной сказкѣ у Эрленвейна (№ XVI); отецъ женить малорослаго парня, надъ которымъ всѣ смѣются: говорятъ ему, что его жена гуляетъ, и это побуждаетъ его скрыться изъ дома. Онъ поступаетъ въ услуженіе къ старику, который предлагаетъ ему на выборъ: заплатить деньгами или словами. Парень предпочитаетъ послѣднее и старикъ велитъ ему не останавливаться на ночлегъ въ избѣ, гдѣ при старомъ мужѣ молодая жена — и, согласно съ группою IV-ю: «высоко не подними, низко не опусти». На пути молодецъ не останавливается въ хатѣ, гдѣ жилъ старикъ съ молодою женой, а ночуетъ въ овинѣ. Ночью приходитъ туда мужикъ, раздѣлся и убѣжалъ. Молодецъ вырѣзалъ у него лоскутокъ изъ кафтана, и когда на слѣдующій день старикъ-крестьянинъ оказался убитымъ, по этой примѣтѣ узнали человека, убившаго его въ союзѣ съ его женой. Купцы, которыхъ обвинили было въ преступленіи, награждаютъ парня, но онъ и далѣе помогаетъ имъ своимъ крикомъ противъ напавшихъ на нихъ разбойниковъ.

Отвѣчалъ ли этотъ эпизодъ какому-нибудь изъ опущенныхъ совѣтовъ старика, или попалъ не въ свое мѣсто — этого вопроса здѣсь я не касаюсь. Заключение то же, что въ группѣ IV-й: вернувшись домой, молодець застаеть съ женой двухъ юношей, своихъ сыновей, и во время останавливаетъ ударъ, припомнивъ совѣтъ старика. Сл. тожественную сказку изъ самарскихъ у Садовникова № 87: совѣты: не ночуй, гдѣ мужъ старъ, жена молода; а ночуешь, да чего увидишь — держи; а не удержишь — оторви; домой приди, возьми въ руки, подыми да не опусти. Эпизода о купцахъ нѣтъ, но есть подробность, драгоцѣнная для изслѣдованія Руодлиба: старикъ-совѣтодатель даетъ служившему у него парню пирогъ, который онъ разломилъ дома: въ немъ запечены были деньги.

Извѣстны сказки, расположенныя по плану совѣтовъ, данныхъ герою; одна такая сказка легла въ основу нѣмецкаго романа XI вѣка, извѣстнаго подъ именемъ Ruodlieb¹⁾. Одна, къ сожалѣнію не

¹⁾ Сл. мой отчетъ объ изданіи *Эсилер*, въ *Журн. Мин. Просв.* 1883 г. іюль.

конченная старо-русская повѣсть²⁾, построена была, очевидно, на той же темѣ: «Нѣкы купецъ въ Константинѣ градѣ, имя ему Иванъ, богатъ зѣло паче царей, имѣаше у себя палаты многи и сосуды многа краснаго злата аравійскаго.... при смерти заповѣда сыну своему Василию, повѣле ему хранити три слова. Первое слово: не повѣлель ему съ царемъ знатися; второе слово: за татя и за разбойника и за всякого бражника и за лжива человѣка ко царю не печаловатися и ко всѣмъ человѣкамъ и ко всѣмъ судьямъ за тѣхъ людей не печаловатися. Третье слово: не сказывати ему жены правды ни въ чемъ». Сл. малороссійскую сказку у Чубинскаго отд. I, № 25: «Як уміравъ человѣкъ, то завіщавъ своему синові: не братайся, каже, съ паномъ, не кажи жінци правди и не годуй чужої дитини за свою» (сл. ів. №№ 26 — 28). Спѣшу замѣтити, что въ Руодлибѣ и въ группѣ отвѣчающихъ ему сказокъ совѣты другіе; но я не назвалъ бы эти сказки

²⁾ Сл. А. Ѳ. Бычковъ. Описаніе слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Импер. Публ. библ. ч. I, рукоп. XIX (сборникъ XVI—XVII в.)

Руодлибовскими по той же причинѣ, по которой не всякое преданіе о змѣборцѣ есть ео ірѣо Сигфридовское.

Лайстнеръ, уже не разъ обращавшійся къ сюжету Руодлиба³⁾, (стр. 455). А что, если сказка пришла къ намъ съ юга? Въ старо-французской легендѣ объ императорѣ Константинѣ и, можетъ быть, въ ея источникѣ, его преслѣдователь также царь. Изъ Германіи же, и именно черезъ остзейскую область пришли къ намъ и «Руодлибовскія сказки» (группа IV-я). Доказательство тому Лайстнеръ видитъ въ люзернской сказкѣ, представляющей сходный, хотя не тождественный видъ съ нашею группой IV-ю (стр. 454 — 455). Сѣверный мотивъ онъ усмотрѣлъ въ ея эпизодѣ: корабляхъ, остановленныхъ въ морѣ невидимою силой (стр. 458). Лишь впослѣдствіи найдя такой же мотивъ въ греческой сказкѣ у Гана № 54, онъ поколебался въ своихъ заключеніяхъ: а что если движеніе шло не съ запада, а съ юга? Этимъ сомнѣніемъ, выраженномъ въ

³⁾ Сл. мой отчетъ о *Эсилер*, стр. 122—123.

примѣчаніи, онъ и заключаетъ свою статью, приведшую его къ противоположной гипотезѣ.

На этомъ сомнѣніи остановимся и мы. Лайстнеръ слишкомъ рано оставилъ распутіе, чтобы двинуться по западному пути, и также быстро вернулся къ нему, чтобы направиться на югъ. Я предпочелъ бы остановиться пока именно на распутіи и подождать свѣта.

II.

Нерушимая стѣна и Волшебное зеркало въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. — Конь Владиміра.

Въ былинахъ о Василии и Батыѣ, поднимающемся на Кіевъ, обыченъ такой образъ: по городской стѣнѣ ходитъ-гуляетъ красная дѣвица, въ рукахъ держитъ книгу-евангеліе, не столько читаетъ, сколько плачетъ. То плачетъ Богородица, оплотъ города, «стѣна-мать городовая», превидя

великую невзгону. Представленіе Богородицы оплотомъ, стѣною, покровомъ на столько естественно, что народная поэтика легко могла обобщить эпитетъ въ самостоятельный образъ: плачетъ «стѣна-мать городовая»¹⁾). Сл. въ Бесѣдахъ патріарха Фотія по случаю нашествія Россовъ разказъ о ризѣ Богоматери, чудеснымъ образомъ отразившей враговъ, осадившихъ Царь-градъ: «Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ, а непріатели, непостижимо какъ, обращали тыль свой. Покрывала она городъ, и насыпъ ихъ разсыпалась, какъ по данному знаку.... какъ только дѣвственная риза эта была обнесена по той стѣнѣ, варвары сняли осаду города»¹⁾).

Для опредѣленія исторической подкладки нашихъ южно-русскихъ былинъ и, спеціально, пѣсень о Василии и осадѣ города Батыемъ, напомнимъ нѣсколько подробностей о мозаическомъ изображеніи

¹⁾ См. мои Южно-русскія быliny, вып. II стр. 265—266.

¹⁾ *Терновскій*, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, I, стр. 111.

Богородицы, съ древнихъ поръ находящемся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, надъ горнимъ мѣстомъ почти на сводѣ алтаря. Св. Дѣва, исполинскихъ размѣровъ, изображена стоящею на златомъ, ромбоидальномъ подножіи (по Муравьеву: четырехугольномъ камнѣ; по Сементовскому: плитѣ), въ молитвенномъ положеніи съ воздвигнутыми руками, въ хитонѣ голубаго цвѣта, перепоясанномъ узкимъ червленнымъ поясомъ, за коимъ заткнутъ бѣлый платокъ, украшенный по срединѣ золотымъ крестикомъ, а по краямъ золотымъ бордюромъ съ красной бахромой. На рукахъ Ея поручи тоже голубаго цвѣта съ полосами и крестами. На головѣ и раменахъ широкій, золотистый покровъ (складочный фелонь), спускающійся до колѣнъ; одинъ его конецъ перевѣшенъ черезъ лѣвое плечо, съ котораго ниспадаетъ большими складками до пояса. На каждомъ плечѣ и на головѣ по серебрястой небольшой звѣздѣ; около головы сіяніе: два концентрическихъ круга, внутренній краснаго, внѣшній бѣлаго цвѣта.

Обувь красная. Икона эта называется Восточною или Нерушимою стѣною; подобное-же мозаическое изображеніе находится въ Цареградской Софіи, на царскомъ сводѣ, надъ бывшимъ иконостасомъ²⁾).

Отожествленія пѣсни могли найти себѣ точку отправленія въ подобной иконѣ и въ какихъ-нибудь мѣстныхъ благочестивыхъ преданіяхъ. Какъ въ Новгородѣ «плакала на трехъ иконахъ святая Богородица, провидѣвши бо Мати Божія пагубу, хотящую быти надъ Новымъ-городомъ и надъ его волостью, моляшетъ сына своего со слезами, дабы ихъ отинудъ не искоренилъ» (Лаврентьевск. лѣт. подъ 1169 г.), такъ и въ былинѣ (Рыбн. I № 20):
Богородица

вѣдала и адъ Кіевомъ
невзгодушку,

Ту она и слезно плакала

(сл. Рыбн. I № 29 и др.)

Плакала стѣна мать городовая,

²⁾ *Н. Закревскій*, Описание Кіева, 2-е изданіе. Москва, т. 2-й (1868 г.), стр. 790—791; см. *Сементовскій*, Кіевъ и его достопамятности (Кіевъ, 1852), стр. 127—128.

По-той-ли вѣрѣ христіанскія:
Будеть надъ Кіевъ градъ
погибельё,
Подымается Батыга сынъ
Сергѣевичъ

(Рыбн. II, № 11; сл. Гильф. № 231).

Сл. разказъ Ипатьевской лѣтописи о
взятіи Кіева Батыемъ (подъ 1240г.):
«постави-же Баты пороки городу, подлѣ
вратъ Лядьскихъ...; порокомъ же
безпрестани бьющимъ день и ночь, выбиша
стѣны, и возідоша горожаны на избытъ
стѣны, и ту бѣаше видити ломъ копейны и
щитъ скепаніе, стрѣлы омрачиша свѣтъ
побѣженнымъ; и... взідоша Татаре на стѣны
и сѣдоша того дне и ноци. Гражане же
создаша пакы другій градъ, около святое
Богородицѣ. Наутрѣя же придоша на нѣ и
бысть брань межи ими велика; людямъ же
узбѣгшимъ на церковь и на коморы
церковныя, и съ товары своими, отъ тягости
повалишася съ ними стѣны церковныя, и
пріять бысть градъ сицѣ воими».

Въ летописи Манассіи (ed. Bonn. 1837, стр. 225) разказывається:

«Многоученѣйшій философъ Левъ добролюбивому родителю царя Михаила устроилъ необыкновенный орономическій инструментъ, съ помощью котораго царь, не выходя изъ своего дворца, могъ ежечасно наблюдать, не затѣвается ли какая-нибудь новость у арабовъ или сирійцевъ. Однажды, когда Михаилъ занимался ристаніями, ему было возвѣщено, что сирійское войско угрожаетъ отечеству сильнымъ, тяжкимъ и опустошительнымъ набѣгомъ. Услышавъ объ этомъ Михаилъ и, опасаясь, чтобы народъ, встревоженный извѣстіемъ, не разошелся со зрѣлица, тотчасъ приказалъ разбить механизмъ». Никоновская лѣтопись вмѣсто Льва философа, ученаго жившаго при императорѣ Теофанѣ, подставила Льва философа, сына Василя Македонянина¹⁾; то же смѣшеніе встречается у митрополита Монеувасійскаго Дороея²⁾, такъ что его нельзя вменить

¹⁾ Терновскій 1. с. р. 108 прим. 1.

²⁾ Сл *Liebrecht*, Zur Yolks kunde, стр. 85 (Der Zauberspiegel).

почину компилятора Никоновской
лѣтописи.

Сюжетъ «волшебнаго зеркала»
принадлежить къ числу довольно
распространенныхъ: имъ обладали, по
арабскимъ преданіямъ, египетскіе цари
Saurid и Ça, и пресвитеръ Іоаннъ (по
извѣстной его Эпистоли), а такъ-
называемая Salvatio Romae, по нѣкоторымъ
рецензіямъ Виргильевской саги, состояла
изъ такого зеркала на столбѣ. Масуди
разказываютъ, что Александръ
Македонскій велѣлъ поставить подобное
зеркало на маякъ въ Александріи, глядя въ
него, можно было видѣть всё, что
происходило въ землѣ Румъ, морскіе
острова и корабли, направлявшіеся къ
гавани. То же повторяетъ и Веніаминъ
Тудельскій¹⁾: зеркало Александрійскаго
маяка обезпечивало Египетъ отъ
внезапныхъ нападений, равно какъ его
преобладаніе надъ греками, пока капитанъ
какого-то греческаго корабля, по имени

¹⁾ *Liebrecht*. 1. с. р. 88 — 89. Сл. Voyage de Benjamin, filz de Jonas, у *Bergeron*,
Voyages, t. I, стр. 61 — 62.

Эдогуэ, приставшій къ маяку, не догадался подпоить его стражей: воспользовавшись ихъ похмѣльемъ, онъ разбилъ зеркало и поспешно бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ и могущество Египта пошло на склонъ.

Лассота въ своемъ извѣстномъ дневникѣ (1594 г.) приурочиваетъ подобную легенду къ Кіево-Софійскому собору, построенному «царемъ Владиміромъ»; на сходство сообщаемого имъ преданія съ разказомъ Манассіи обратилъ вниманіе ужъ Терновскій²⁾. На хорахъ въ одной изъ плитъ, какъ разъ надъ алтаремъ, продѣлано круглое отверстіе, вышиною въ половину локтя, но теперь замазано известью. Говорятъ, что тутъ въ старину находилось зеркало, въ которомъ, посредствомъ магическаго искусства, можно было видѣть все, о чемъ задумано, хотя бы даже это происходило за нѣсколько сотъ миль. Когда разъ Кіевскій царь выступилъ въ походъ противъ язычниковъ и долго не возвращался, то супруга его каждый день

²⁾ Л. с. р. 108 109, прим. 1. Сл. Путевыя записки Эриха. Лассоты, переводъ Ф. Брауна (1873), стр. 17 – 18.

смотрѣла въ зеркало, чтобъ узнать, что съ нимъ случилось и чѣмъ онъ былъ занятъ. Но увидѣвъ однажды его любовную связь съ языческою плѣнницею, она въ гнѣвѣ разбила самое зеркало: *sit fides penes autorem*».

Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ бродячимъ повѣрьемъ, случайно приставшимъ къ Кіеву — можетъ быть, впервые, въ разказѣ лица, введеннаго въ заблужденіе Лассоту, можетъ быть, и ранѣе. Въ томъ и другомъ случаѣ подъ русскимъ царемъ приходится разумѣть Владиміра, о которомъ, по словамъ Лассоты, сохранились и другія воспоминанія въ томъ же храмѣ: «въ верхней части церкви находится темная комната, въ которой Владиміръ будто-бы велѣлъ замуровать одну изъ своихъ женъ; далѣе (*item*) отъ хоровъ ведетъ витая лѣстница къ небольшой башнѣ, гдѣ, какъ говорятъ, происходили засѣданія совѣта Владиміра». При бѣдности и отсутствіи мѣстныхъ памятей, которыя помогли-бы намъ освѣтить зарожденіе южнорусскихъ

былинь, бѣваетъ полезно даже преданіе у Лассоты или и слѣдующее, записанное Лукашевичемъ, въ которомъ Владиміръ названъ царемъ и является его жена: «Князь Володимер був царь на весь свѣтъ. У ёго була хороша жінка. Як іде було з нею на возі, да усе озирається на еѣ да лубується да милується, то геть коні зараз и звернуть з дороги да в покривлять її»¹⁾).

Кстати, еще одно воспоминаніе — о конѣ Владиміра. Петрей²⁾), разказъ котораго я сообщаю, разумѣетъ Мономаха; но я указываю на трехъ «похваленыхъ» жеребцовъ былиннаго Владиміра, изъ которыхъ одинъ полоненъ въ Царь-Градъ или Золотой Ордъ³⁾).

«Русскіе сказываютъ, что у этого Володимира-Мономаха былъ конь, происходившій отъ лошади Александра

1) Драгомановъ, Малорусскія нар. преданія и разказы, стр. 199 (Князь Володимеръ).

2) Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ, происхожденіи великихъ русскихъ князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя лже-Димитріями, и о московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которые собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де-Эрлезунда. Въ Лейпцигѣ 1620, перев. М. Н. Шемякинъ. М. 1867.

3) Южно-русскія былины, вып. II, стр: 38—43, 366.

Великаго, Букефала — Коровья Голова: на лбу имѣлъ пятно и былъ особеннаго цвѣта, съ черными полосами на спинѣ и хвосту; когда, было, надѣнута на него конскій уборъ и снарядятъ совсѣмъ на войну, онъ никому не давалъ на себѣ ѣздить, кромѣ князя, да еще конюха, который ходилъ за нимъ; однакожь соблюдалъ при томъ такую разницу, что когда садился на него слуга, онъ ходилъ дурно, медленно, некрасиво, повѣсивъ уши и голову, точно какой лѣнивый осель; когда же нарядятъ его въ пышное сѣдло и сбрую, и онъ замѣтитъ, что поѣдетъ самъ князь, тотчасъ пріосанивался, поднималъ голову и уши, билъ копытами въ землю, ржалъ и храпѣлъ ртомъ и носомъ до того, что всѣ пугались. Если князь стегалъ его немного кнутомъ и начиналъ уговаривать, онъ красиво рисовался и кидался изъ стороны въ сторону, дѣлалъ скачекъ за скачкомъ, какъ молнія подлеталъ къ своему ѣздоку, огрызался, лягался на удивленіе всѣмъ. У него была еще и такая повадка, что всегда хотѣлъ стоять въ конюшнѣ на самомъ верхнемъ

мѣстѣ и тамъ позволялъ управляться съ собою какъ съ ягненкомъ. Если же поставятъ его на другомъ мѣстѣ, онъ перерывалъ пополамъ узду и поводья, прибѣгалъ на главное мѣсто, и когда тамъ стояла другая лошадь, кусалъ ее до тѣхъ поръ и не успокоивался, пока не дадутъ ему этого мѣста».

За подробностями, напоминающими Букефала въ романѣ Псевдо-каллисѳена и его подражаніяхъ, чувствуются очертанія знакомаго былиннаго образа. Иванъ Гостиный сынъ хочетъ бѣжать на своемъ бурушкѣ въ запуски съ конями Владиміра:

Сталь его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу
посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны подбрасывати:
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися;
Зрявкаетъ бурко по туриному,
Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.

(Кир. III, № 3, стр. 7—8, vv. 122 слѣд.; сл. Гильф. № 135, стр. 699). Владиміръ просить Ивана подарить ему «добра коня», но вскорѣ принуждёнъ отказаться отъ подарка: конюхи докладываютъ ему, что конь

Пшены не ѣсть и меда не пьеть,
Скрычалъ онъ по звѣриному,
И засвисталъ онъ по змѣиному
И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ.

(Рыбн. III, № 34, v. 141 слѣд.)¹⁾.

Разказъ, слышанный Петреемъ, могъ имѣть въ основѣ именно эти былевья данныя.

III.

Былины о «гибели богатырей» и о «боѣ Ильи съ сыномъ».

Изъ былинь, недавно напечатанныхъ Л. Н. Майковымъ²⁾, одна въ особенности привлекла мое вниманіе по связи съ гл. VII (Какъ перевелись на Руси богатыри) и IX

¹⁾ См. Южно-русскія былины, вып. II, стр. 41—42.

²⁾ *Русскій Филологич. Вѣстникъ*, 1885, № I: Еще былины и пѣсни изъ Заонежья, стр. 44 слѣд.; сл. стр. 52—55; Былина про Добрыню и Илью Муромца.

(Бой Ильи Муромца съ сыномъ) моихъ Южно-русскихъ былинъ.

Въ пѣснѣ о гибели богатырей дѣйствіе происходитъ на Сафать рѣкѣ; семь русскихъ богатырей стоятъ въ шатрахъ; Добрыня бьется съ татарченкомъ, убить имъ; противъ врага выѣзжаетъ Алеша, свалилъ его, хочетъ его доконать, но черный воронъ проситъ его пощадить, обѣщая принести живой и мертвой воды, съ помощью которыхъ Добрыня оживаетъ. Третій выѣздъ Ильи, но не противъ татарченка, а противъ несмѣтной бусурманской силы. Богатыри перебили татаръ; ихъ неразумная похвальба вызвала появленіе нездешней силы, двоящейся подъ ихъ ударами. Въ заключеніи испуганные богатыри бѣгутъ въ горы и пещеры, гдѣ и окаменѣли (Кир. IV, стр. 108—115). — Въ былинѣ у Гильфердинга № 121=Рыбникова I, № 22 двоятся такимъ образомъ подъ ударами Ильи и Ермака — татарское войско: пересѣлся туда Илья, «окаменѣлъ его конь да богатырской»; у Гильфердинга № 138 тоже приращеніе

татарской силы: богатыри перебили другъ друга, спасается одинъ Ермакъ, котораго они вывели изъ боя, чтобы онъ не «перервался».

Пѣсни о боѣ Ильи съ сыномъ я распредѣлилъ, пока приблизительно, на три группы. Первая (гл. IX, стр. 308 слѣд.) открывается «заставой богатырской», иногда на Сафать-рѣкѣ; стоятъ на заставѣ: Илья, Добрыня и Алеша Поповичъ (варианты пѣсенъ присоединяютъ къ этимъ и другія имена). Появленіе вражяго богатыря (сына Ильи), противъ котораго выѣзжаютъ безуспешно Алеша (см. стр. 308, 310; сл. 318), Добрыня, наконецъ и самъ Илья. Слѣдуетъ бой послѣдняго съ сыномъ.

Сближая эту схему былины о «боѣ отца съ сыномъ» съ пѣсней о «гибели богатырей», я призналъ вѣроятнымъ внѣшнее вліяніе плана послѣдней на первую (стр. 335 — 336): тамъ и здѣсь застава, послѣдовательный выѣздъ Алеши, Добрыни и Ильи и бой съ вражымъ богатыремъ, татарченкомъ.

Тѣмъ интереснѣе для меня слѣдующіе
двѣ былины, сообщенныя Л. Н.
Майковымъ.

Собиралосе на поле Боиканово
триста богатырей,
Енѣ думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу да единую:
«Кабы было кольцо кругомъ всей
земли,
Кругомъ всей земли, кругомъ всей
орды,
Мы всю землю святорусскую внизъ
повернули¹⁾,
Самого-бы царя иъ полонъ взяли;
Кабы были на небо лисница,
Мы бы выстали на небо,
Всю небесную силу присѣкли,
Самаго бы Христа въ полонъ
взяли».

Услышалъ Христось риць
похвальную,
Похвальную, супротивную,

¹⁾ «Якъ бы стовпъ у небо та въ землю, то и свѣтъ бы повернувъ» (выраженіе богатырской силы). Сл. Малор. сказки, собранныя П. Чубинскимъ стр. 289.

Спустиль съ небесъ поляницу
удалую.

Прибила поляница всѣхъ сильныхъ
могучихъ богатырей¹).

Оставила она только трехъ русскихъ
могучихъ богатырей: Добрыню, Алешу и
Илью.

Они со той со страсти, со ужасты,
Уѣзжали на поле Боиканово
И разставили шатры
бѣлополотняные,
Они спали три дни и три ночи,
Не пиваючи и не ѣдаючи. (стр. 51—
52).

Таковъ новый варіантъ былины о «гибели»;
«триста» богатырей мнѣ еще не
встрѣчалось; въ рукописной «гисторіи» о

¹) Интересенъ моментъ грѣшной похвальбы, которую тотчасъ же отмаливаетъ погрѣшившій, въ старо-нѣмецкой поэмѣ о Вальтаріи. Онъ остановился съ Гильдгундой въ ущельи промежъ двухъ горъ; преслѣдователи приближаются; ставъ у входа въ ущелье, Вальтарій кичится, но спохватившись, кается за горделивыя рѣчи:

560 Inferius s tanti praedicens sic mulieri:

Nac coram porta verbum modo jacto superbum:

Hinc nullus rediens uxori dicere Francus

Praesumet se impune gazae quid tollere tantae.

Nec dum sermonem complevit, humo tenus ecae

Corruit et veniam petiit, quia, talia dixit.

Михаилъ Даниловичъ ихъ является тридцать (Южно-русск. былины, вып. I, гл. I, стр. 30); тамъ же и шеломъ бакановъ (стр. 29 и 30), вѣроятно, тожественный съ «полемъ Боикановымъ» нашей пѣсни. См. въ гисторіи: «ѣхати въ поле чистое ва шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича». Странно въ пѣснѣ, что богатыри и бьются на полѣ Боикановѣ, и испугавшись, уѣзжаютъ — на поле Боиканово, на которомъ застаютъ ихъ и слѣдующая былина: о боѣ Ильи съ сыномъ (племянникомъ). О взаимныхъ отношеніяхъ этихъ былинъ собиратель (г. Петровъ) говоритъ: «Былина про бой витязей пропѣта безъ раздѣленія, но ясно, что здѣсь между частями есть какой-то пропускъ; иначе былина распадается на двѣ» (стр. 45). Она такъ и напечатана: «Отчего богатыри перевелись на святой Руси», и непосредственно за нею, но «какъ бы продолженіе» (стр. 52), «былина про Добрыню и Илью Муромца» = пѣсня о боѣ Ильи съ сыномъ-племянникомъ (см. стр. 52—55).

Добрынюшкѣ въ шатерушкѣ не
заспалось.

Выходитъ Добрынюшка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны,
Поглянулъ въ подвосточную
сторону:

Что не туча идетъ передъ
дождичкомъ,

Не громъ загремѣлъ передъ
молоньей, —

Идетъ удалый добрый молодець.

Подъ имъ былъ конь какъ лютый
звѣрь,

Самъ на конѣ сидитъ кунавъ
добрѣ¹⁾,

Очи его какъ у яснаго сокола

И румянецъ въ лице какъ у алаго...

У коня изъ ушей и ноздрей искры
сыплются...

Образы сокола и выжлеца, обычные
цѣлому ряду пересказовъ этой пѣсни,
забыты. Проѣзжая мимо богатырскихъ
шатровъ, молодець вызываетъ себѣ

¹⁾ Напечатано: какъ упаль въ добрѣ.

поединщика, супротивника. Выѣзжаетъ
Добрыня:

Настигъ его у рѣки Смородины.
Загаркаль то ёнь по звериному,
Засвисталь то ёнь по соловьиному

—

Подъ нимъ конь не шарашится,
А самъ на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый
молодецъ,
Загаркаль ёнь по звѣриному,
И засвисталь то ёнь по
соловьиному:

Туть подъ Добрыней конь на
колѣнка палъ,

Туть Добрыня и поворотъ держалъ.

Вернувшись къ Ильѣ, онъ говоритъ ему о своей неудачной встрѣчѣ («Я на конѣ цють живъ сидѣль»), а Илья ѣдетъ за молодецъ, котораго настигаетъ «на полѣ Боикановѣ». Загаркаль Илья: молодецъ не оглядывается, конь подъ нимъ не шарашится; а какъ оглянулся богатырь, да гаркнула по звѣриному, конь у Ильи на колѣнки палъ.

И бьетъ Илья Муромецъ своего
добра коня по тучнымъ бедрамъ.

«Ужь ты волчья сыть, травяной
мѣшокъ,

Видно чаешь надо мной
невзгодушку».

Конь вскочилъ и близко
подъѣзжаетъ къ богатырю.

И ударилъ его палицей желѣзною по
главѣ:

У его старика (?) колпаки не
стряхнулись,

И желтые кудри на головѣ не
сполстились.

И самъ говорить таково слово:

«Яже на святой Руси комарики,
Больно комарики кусаются».

Бой идетъ на палицахъ желѣзныхъ,
копьяхъ булатныхъ; затѣмъ въ рукопашь.
Богатырь свалилъ Илью, насѣлъ на него, но
Ильѣ смерть «была неписана»; онъ самъ
«свернулся — и на верхъ его», то-есть,
богатыря: занесъ надъ нимъ «ножь съ
чинжалищемъ» и допрашиваетъ, какого онъ
рода, которой орды. Убилъ бы я тебя, кабы

сидѣль у тебя на грудяхъ, отвѣчаетъ богатырь, но затѣмъ называетъ себя:

Есть я Кузьма Семерцяниновъ богатырь.

Илья цѣлуетъ его, зоветъ любезнымъ племянникомъ, и они разъѣзжаются. Въ то время, какъ Илья спалъ въ шатрѣ, молодецъ возвращается

И тюкнулъ Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя,
но того спасаетъ крестъ на груди. Беретъ онъ племянника за руки, бросилъ о землю,
Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня:

«Повези, добра лошадь, куды знаешь его!»

Своеобразное наказаніе, постигающее молодца, принадлежитъ одному нашему пересказу, какъ и замѣна сына — племянникомъ и имя Кузьмы; Семерцяниновъ, несомнѣнно, вмѣсто: Северцяниновъ; сл. Сиверьянишну: имя матери Сокольничка въ моей третьей группѣ пѣсень о боѣ (Южно-русскія былины, выпускъ 2-й, стр. 313 слѣд.), съ

которой наша былина связывается и тою чертой, что, помимо Ильи, одинъ Добрыня выѣзжаетъ противъ богатыря. Съ эпизодомъ объ ударахъ, нанесенныхъ ему Ильей и не ощущенныхъ имъ, сл. такую же подробность у Гильф. № 46=Рыбн. I, № 14 (Южно-русскія былины, выпускъ 2, стр. 319—320).

Варианты былинь о «гибели» и о «боѣ», изданные Л. Н. Майковымъ, интересны, какъ образецъ спѣвовъ, столь важныхъ для теоретическаго вопроса объ образованіи народнаго эпоса и для критики его простѣйшихъ пѣсенныхъ основъ.

IV.

Wisinnus Саксона грамматика и Соловей Разбойникъ.

Первый выпускъ пятаго тома Deutsche Alterthumskunde Мюлленгофа вышелъ (1883 г.) не въ очередь, за первымъ томомъ, очевидно; вслѣдствіе желанія нынѣ покойнаго автора противопоставить свое

авторитетное слово тому отрицательному и, какъ онъ полагалъ, некритическому направленію въ изученіи сѣверной миѳологіи, во главѣ котораго стали имена Бугге и Вигфуссона. Почти половина выпуска посвящена борьбѣ съ новою ересью, усматривающею въ пророчествѣ Вöльвы (Völuspa) не отраженіе древне-германскаго космогоническаго міросозерцанія, а цѣлую сѣть христіанскихъ и даже классическихъ воспоминаній. Наше отношеніе къ этому вопросу, въ высшей степени важному по отношенію къ развитію древне-сѣверной культуры, по прежнему выжидательное (сл. Разысканія VIII, стр. 353), но такъ, что отрицая вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ классическую гипотезу Бугге, мы, наоборотъ, болѣе согласны съ послѣднимъ въ признаніи сильнаго христіанскаго вліянія на эсхатологію Эдды.

Послѣднія страницы труда Мюлленгофа (301—356) заняты прекраснымъ разборомъ преданій о Старкадѣ, на сколько они сохранились въ разказѣ Саксона Грамматика и въ пѣсняхъ, на которыя онъ

намекаетъ или и приводитъ въ латинской парафразѣ Сложеніе пѣсенъ авторъ относитъ къ періоду отъ половины X до начала XI вѣка; анализъ преданія приводитъ его къ раскрытію древнѣйшей Шведской основы и позднѣйшихъ норвежской и датской локализаций. «Въ Швеціи при упсальскомъ дворѣ могли уже въ IX вѣкѣ рассказывать о подвигахъ и продѣлкахъ Старкада на Востокѣ. Одинъ разказъ вызывалъ другой и, разъ начало было сдѣлано, ихъ явилось множество. До насъ дошли можетъ быть не древнѣйшіе, и не всѣ, но несомнѣнно не худшіе по значенію и содержанію. Вѣроятнымъ представляется, что при этомъ воспользовались мотивами и элементами восточной саги и народнаго повѣрья и вмѣнили Старкаду исполненіе такихъ задачъ, которыя именно тамъ представлялись особенно трудными, если неисполнимыми (стр. 314)».

Такъ въ одинъ изъ своихъ набѣговъ на Русь (Rusciam), онъ вмѣстѣ съ викингомъ Бемономъ «saltus invios ac nemorum densissima quaeque penetrantes Ruthenorum

principem Floccum montanis, quibus irripserat, latebris eiecere. Quo in loco tanto praedae potiti sunt, ut ne unus quidem extaret, qui non auro argentoque onustus classem repeteret» (Saxonis Grammatici Historia Danica ed. Petr. Erasm. Müller, partis prioris vol. I, стр. 277—278). — Въ сагѣ о Гальфданѣ, сынѣ Эйстейна, говорится о Флоккѣ, финскомъ царѣ и волхвѣ, убитомъ въ Россіи въ какой-то битвѣ (Fornald. Эög. v. III, р. 540, 548 — 549). — Непосредственно за этою побѣдой Старкада онъ «ab athletic Viarmensibus ob virtutem adscitus, cum plurima apud eos memoratu digna edidisset facinora, Sveonum fines ingreditur» (Эахо 1. с. р. 278). Въ чемъ состоялись эти подвиги—досказываетъ пѣсня у Саксона (I. с, р. 404), гдѣ герой говорить о себѣ:

Quatuor hinc Leri natos pugilesque
peremi
Viarmenses.

О цѣломъ рядѣ восточныхъ походовъ Старкада разказывается на стр. 280 — 281: «Post haec Starcatherus ad inhibendam

Orientalium defectionem una cum Wino, Sclavorum principe, delegatur. Qui simul adversum Curetum, Semborum, Sangalorum omniumque postremo Orientalium exercitus praeliati, claras late victorias edidere. Eximiae opinionis gladiator, nomine Wisinnus, apud Russiam rupem, quae Anafial dicitur, sede et mansione complexus, vicinas longinquasque provincias omni injuriae genere vexavit. Hic omnem telorum aciem ad hebitudinis habitum solo conspectu redigere solebat. Quamobrem tantam viribus ejus audaciam peperit exclusus vulnerum metus, ut etiam illustrium virorum conjuges maritis spectantibus raptas ad stuprum pertraheret». Противъ него Старкадъ пользуется такою хитростью: «ferrum quippe, ne praestigiatori conspicuum foret, tenui admodum pelle contexit», и такимъ образомъ поражаетъ его. «Deinde apud Byzantium invictae opinionis gigantem, Tannam nomine, corporis viribus fretus colluctando devicit, ignotasque terrarum partes proscripti titulo petere coegit». Слѣдуетъ въ Польшѣ поединокъ Старкада съ бойцомъ, quem nostri Wasce, Teutones

vero diverso literarum schemate Wilcze nominant».

Wisinnus живеть на Анафіал, что, по объясненію Мюлленгофа (р. 310), можетъ означать: утесы Апі (старого?), хотя въ пѣснѣ у Эахо р. 404, перечисляющей подвиги Старкада, переводъ иной: гурезъ пивеае. Въ Wisinnus авторъ видитъ эпонима финской Веси, за Ладожскимъ и Бѣлымъ озеромъ, человѣкоядныхъ Wîzi (Albani) Адама Бременскаго, арабск. Visu, Visina у Иордана. «Весь принадлежала, по свидѣтельству русской лѣтописи, къ народцамъ, призвавшимъ шведскую Русь. Но еслибъ этого и не было — кто откажется усмотрѣть въ сообщенномъ преданіи (о Визинѣ) отголосокъ сѣверныхъ завоевателей востока? Какъ было сложиться и распространиться преданію, если бы не предшествовало ему завоеваніе?» (См. стр. 310—311). Идя далѣе, Мюлленгофъ (стр. 314) открываетъ «замѣчательную аналогію» между Wisinnuis, сраженнымъ Старкадомъ, и Соловьемъ-разбойникомъ нашихъ былинъ,

сраженнымъ Ильей Муромцемъ. Въ какихъ отношеніяхъ находится этотъ *Wiálnnuэ* къ соименному бойцу изъ *Blökamannalönd*, то-есть, земли Влаховъ (*Blakmanni* у Эахо, р. 336) упоминаемому въ *Egils ok Asmundarsaga*, Мюлленгофъ не рѣшаетъ, либо рѣшилъ бы въ смыслѣ своего толкованія поединка Старкада съ Танной у Царьграда: то-есть, что «сага слѣдовала за Русью или варягами до Византіи и сложилась въ пору ихъ походовъ, начиная съ IX вѣка» (р. 311).

Что *Wisinnus* =*Вьсинъ — очень вѣроятно, хотя не приняты во вниманіе различія имени въ *Annales Ryenses* (MG. 16, 395); *Wisinnus*, *Tanaem*, *Wasael*, (*Müllenhoff*, 311, прим.***). Нѣтъ ничего невозможнаго, что въ старо-шведской сагѣ могъ сложиться сюжетъ о борьбѣ какого-нибудь викинга съ эпонимомъ племени, жившемъ въ предѣлахъ и направленіи его походовъ. Но въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать «замѣчательную» аналогію преданія о Визинѣ съ былиной о Соловьѣ? Въ томъ ли, что одинъ и тотъ же сюжетъ —

борьба съ иновѣрнымъ, инородческимъ богатыремъ — разработанъ былъ съ разныхъ точекъ зрѣнія народностями, заинтересованными въ побѣдѣ? Или есть между ними генеалогическая связь, и русская былина сложилась гдѣ-нибудь на перепутьи между сѣверною пѣсней и ея отзвуками подъ Византіей? Отвѣтъ на эти вопросы меня не интересуесть, потому что и «аналогія» мнѣ представляется не «замѣчательною», и отвѣтъ не объяснилъ бы намъ самаго важнаго: времени и мѣста пріуроченія имени Ильи въ пѣснѣ, гдѣ онъ могъ замѣститъ какое-нибудь иное лицо или имя.

Александръ Веселовскій.
